

русского языка“ И. И. Срезневского, ясно следует, что термин „написание“ очень древний. Непонятно, откуда этот старый термин мог появиться у позднейшего переписчика или редактора первоначального „Слова“. Старое предание, записанное под 1377 годом, уже говорило о заточении Даниила на Лаче-озере. В исчезнувшей Троицкой летописи оно было записано в такой форме: „Егда бысть побоище на Воже с Бегичем, изнимаша на той войне некоего попа, от орды пришедша, и обретоша у него злых зелий лютых мешок, и много истязавше его, послаша на заточенье на Лаче-озеро, иде же бе Данило Заточеник“.¹ В этом летописном известии сохраняется форма прозвища Даниила, известная нам по „Написанию“ и „Слову“ — „Заточеник“, а не „Заточник“.

Какие же данные мы черпаем из „Написания“ о самом Данииле Заточенике?

В сущности наиболее полным указанием на социальную принадлежность автора „Написания“ является указание его на то, что он был слугой князя: „Служи бо мнози отца и матере лишаются: добру господину служат, дослужится свободы, а злу господину служит, дослужится большия работы“.

Какая же вина была у Даниила, чтобы князь отказался от обычного добросердия к нему и его „покрыла нищета“? Нищенское положение автора „Написания“ неоднократно подчеркивается обращением к князю с просьбами защитить его от преследований и обратить внимание на его бедственное положение. Тут же приводится и причина княжеского гнева — это „татьяба“. Муж губит „свое мужество татьябою“.

К какой же социальной среде принадлежал Даниил и в чем заключалась „татьяба“, которую он совершил? Прежде всего приходится отвергнуть мысль о том, что Даниил принадлежал к дружинникам или вообще к ратным людям. В „Написании“ нет даже намек на какие-либо воинские аксессуары, если не считать общего упоминания о полках и князе-полководце. Зато „Написание“ наполнено другими образами, не имеющими никакого отношения к воинской службе и очень настоятельно ведущими нас в определенные круги городского населения древней Руси. Автор „Написания“ был прекрасно знаком с процессами плавки дорогих металлов. „Олово гинет часто на огни разваряемо“, „злато искушается огнем“, „не огонь разжение творит железу, но надымание меха“ — такие образы, такие сравнения возникают перед Даниилом Заточеником, обращающимся к своему князю.

До сих пор еще в ходу было представление о малом развитии письменности в древней Руси. Открытие новгородских грамот на бересте опровергло мнения о бесписьменных, безлитературных русских городах, где будто бы только феодалы и духовенство занимались литературой. Какие же основания теперь отвергать предположение, что Даниил Заточеник был ремесленником-серебряником, попавшим в беду, наказанным за кражу? Ведь именно такие ремесленники делали замечательные новгородские сосуды и ставили на них свои имена. Они покрывали их надписями, чего не могли сделать неграмотные люди.²

¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 447.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, гл. V.